

- С.102.
3. См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. - М.: Логос, 2000.- 304 с.
 4. Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе. <http://lib.rin.ru/doc/i/194693p.html>
 5. Выступление С. М. Миронова на Первом съезде молодых ученых России, http://www.intellect.ru/forum_news/mironov20.10.2005.asp
 6. См.: Алексеев П.В. Социальная философия. - М., 2003 - С.34.
 7. См.: Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. - М., 1998. - С. 262.
 8. См.: Очирова О.А. Указ.соч. С. 88.
 9. Там же.
 10. Попкова Н.В. Глобальные проблемы современности и технологическое развитие // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 2005. - С. 96-106.
 11. См.: <http://claus-online.h1.ru/russianshowbiz.htm>
 12. Алексеев А. Туризм в России: проблемы становления и развития. <http://www.tpprf.ru/ru/main/committee/komtur/aa/>
 13. Демиденко Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни. - М., 2003 - С.108.
 14. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла - М: АСТ: Транзиткнига, 2005. - С.108
 15. См.: <http://news.mail.ru/incident/2353390/>
 16. См.: Нейсбит Д. Указ. соч. - С. 107.
 17. См.: Филиппов Ю. Игровой бизнес в России <http://www.rian.ru/analytics/20060814/52604425.html>
 18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997. - С. 666.
 19. Паренти М. Демократия для избранных / Пер. с англ. В.Н.Горбатенко. — М.: Поколение, 2006. - С. 57.
 20. См.: Карасев Д. Банки-убийцы <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Econom/karas/banki.php>
 21. См.: Попов Г. Кому платить за кризис //Московский комсомолец.- 2009. - 3 февраля, Лужков Ю. Российские особенности мирового кризиса// Российская газета. 2009. - 11 февраля.
 22. См.: Там же.
 23. См.: Бауман З.. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.- С.32
 24. См.: Зарубина Н.Н. Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности в условиях глобализации //Социологические исследования, 2008. № 10, С. 21.
 25. Новиков Р.М. Внесистемная динамика экономических отношений. Автореф. дис. ...канд. экон. наук. - Кострома, 2007. - С.17
 26. См.: Латов Ю.В. Функции теневой экономики как институциональной подсистемы //Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 1. - С.80.
 27. См.: Там же.
 28. Schneider F. Increasing Shadow Economies All over the World - Fiction or Reality. <http://papers.ssrn.com/>
 29. См.: Кузнецова Н.Ф., Багаудинова С.К. Контроль над легализацией преступных доходов в США // Вестник Московского Университета. 1997. № 6. С. 40.

P. Bazadzhiev

SUBJECT-MATTER AND TRENDS OF ECONOMIC SPHERE OF SOCIETY FROM SOCIALLY-PHILOSOPHICAL POINT OF VIEW

Abstracts: The article substantiates the necessity to distinguish the economic sphere as specific subsystem of society. The author considers the development tendencies of elements of the economic sphere and ambiguity of their influence on the other subsystems of society.

Key words: economic subsystem of a society, its structure (elements).

УДК 101.1 : 316

Вершилов С.А.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Аннотация: В современных условиях культура военной безопасности [1] приобретает новый абрис (контуры). Нетрудно заметить, что глобализация оказывает на неё неоднозначное влияние, что порождает порой военно-политические процессы с достаточно непредсказуемыми последствиями. Для того, чтобы миссия культуры военной безопасности стала выполнимой, необходимо признать – нынешняя действительность есть важный фактор её развития. В статье обосновывается

данный тезис.

Ключевые слова: культура военной безопасности, вызовы, угрозы, глобализация, развитие.

В ряде отечественных и зарубежных научных публикаций глобализация представлена как формирование единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий [2]. Вместе с тем, необходимо отметить, что такое определение резко и оправданно критикуется

* © Вершилов С.А.

адептами расширительной трактовки данного явления как процесса, охватывающего не только экономическую и информационную сферы жизни человечества, но и все остальные, в том числе и военную [3]. Причём некоторые из них справедливо отмечают, что глобализация, с одной стороны, – это то, что принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия. А, с другой – всё глобальное перестаёт быть только локальным, частным, автономным и становится (якобы?) общим достоянием [4].

Логика мышления подсказывает, картина глобального мира востребована методологическим и мировоззренческим сознанием наступившей эпохи, поскольку она обеспечивает онтологические гарантии нового отношения к военной безопасности как со стороны свободной личности, так и всего мирового сообщества. Кроме того, такой подход выступает порукой деятельности субъектов военно-политической практики, направленной на интеграцию человечества в деле построения более совершенных фреймов мироздания.

Вызванная глобализацией гомогенизация жизни порождает «новый мировой военный стандарт» как результат всеобщего, а не локального нормирования целей и интересов. Люди разных верований, убеждений и привычек, не возражая и не договариваясь друг с другом, просто принимают как данность и нечто саморазумеющееся некие общие формы, нормы и правила поведения в военной области. Иными словами, оставаясь во многом разными в восприятии военной действительности, они в чём-то жизненно важном становятся похожими, не испытывая при этом неловкости и несвободы.

Вне всякого сомнения, будучи «символом всеобщего» [5], глобализация в её гуманистическом смысле и толковании, не имея ничего стереотипного с унификацией, стандартизацией и обезличиванием, может и должна стать принципиально новой основой и фактором развития культуры военной безопасности. Но это в идеале, а что на самом деле? Как и что сегодня? Ведь глобализационные процессы непосредственно оказывают на культуру военной безопасности своё воздействие рядом существенных обстоятельств (факторов), не учитывать которые мировое сообщество не имеет права.

Первый фактор. Появился новый по-своему характеру «портрет» военно-политической обстановки.

Во фреймах глобализации культура военной безопасности находится в процессе постоянной трансформации. Появляются новые и прекращают свою деятельность прежние участники военно-политического взаимодействия, совер-

шенствуются модели, уровни и интенсивность взаимоотношений между ними, а также правила и нормы, которые их регулируют. Таковыми становятся не только государства, но и негосударственные игроки: неправительственные организации, международная преступность, транснациональные террористические организации, вооружённые пираты, националисты и сепаратисты различного толка. Сами же государства также меняются – по-разному в различных регионах.

С начала нового тысячелетия скорость этих изменений значительно возросла. Это связано, в первую очередь, с явлением глобализации, которая совпала с распадом биполярности и формированием на рубеже веков сложной и многоуровневой структуры «плюралистической однополярности» во главе с группой стран [6]. При этом, последняя, в связи с провалом попытки США навязать мировому сообществу своё единичное лидерство самостоятельно перестроить мир в соответствии с PAX AMERICANA, а также закрепить глобальное военное превосходство на как можно долгое время, тоже может измениться [7] и действительно изменяется.

Спору нет, ослабление американского лидерства, не компенсированное принятием другими державами или их группами ответственности за поддержание военной безопасности во многих регионах планеты, может привести к началу во многом неконтролируемой трансформации планетарного сообщества. И таким образом, фундамент и образ вселенского благополучия мира военно-политической сферы подтачивается самой его природой, и, если угодно, – логикой развития.

Поскольку временное совпадение структурных трансформаций культуры военной безопасности с глобализацией привели к эффекту резонанса, постольку оба процесса убыстряются, приводя к общему ускорению изменения международной системы. По справедливому утверждению Н.Н. Моисеева: «Мы живём в мире с потрясающе быстрой сменой реальности и всего, что отсюда следует» [8].

Вместе с тем, параллельно усиливаются дестабилизирующие последствия как глобализации, так и культуры военной безопасности. Это актуализирует исследование **второго фактора** воздействия всеобщих процессов на развитие военно-политической обстановки на планете, которое конкретизируется в следующем ракурсе.

С большой долей вероятности можно утверждать, что одним из существенных проявлений роста неустойчивости глобализации и заявленного в теме статьи явления выступают разрушительно-созидательные последствия непрерывных войн разного масштаба, длительности и охвата своего пространства.

Именно вооружённые конфликты были и остаются до сих пор важным фактором того, что эволюция человечества включает в себя как процессы её усложнения, так – и деградации. И с этим нельзя не согласиться, так как в отдельные периоды, особенно широкомасштабных и длительных вооружённых столкновений, преобладают деструктивные явления существенных частей мирового сообщества.

В исторической ретроспективе войны в наибольшей степени отражали процессы деградации, а, в конечном счёте – и гибель нескольких десятков цивилизаций, замедляя или временно прекращая поступательную эволюцию крупных локальных частей планеты. Вместе с тем, они способствовали техническому прогрессу сначала в области вооружения и военной техники, а затем в обновлении технологии и в увеличении производства более совершенной и разнообразной продукции гражданского назначения. Кроме того, военное противостояние играло мобилизующую роль в организации общественной жизни и в повышении самосознания населения. Новые цивилизации, возникавшие на месте погибших и существующие сегодня в условиях глобализации, получали и получают в наследство наиболее высокие достижения во всех сферах социальной жизни и на этой основе, как правило, ускоряли и ускоряют свою прогрессивную эволюцию.

Такое рассмотрение войн и вооружённых конфликтов с позиции динамики развития человечества, конечно же, потребовало абстрагирования от их морально-этической стороны, которая ужасна по своим последствиям. В отличие от самых свирепых хищников, уничтожающих своих сородичей ради выживания, люди начинали, вели и продолжают вести военные конфликты для достижения политических и идеологических целей, грабежа и порабощения целых народов [9].

По своим же жертвам они представляют собой самоистребление и своеобразный каннибализм. Так, в одной из работ А.И. Скрыльника подчёркивается (нет оснований этому не верить): «...в войнах А. Македонского счёт жертвам среди населения захваченных им стран шёл на тысячи и десятки тысяч, у Цезаря – на сотни тысяч, у Чингизхана – на миллионы, у Гитлера – на десятки миллионов» [10]. С такими, далеко не радужными, результатами человечество вступило в XXI столетие.

К сожалению, следует констатировать факт, что в эпоху глобализации мир не стал менее насыщенным военными вызовами, не уменьшается количество армий и численность их личного состава, разве что происходит безоглядное и непродуманное сокращение Вооружённых сил России. Если в канун Второй мировой войны в мире было 50 армий, то к началу XXI столетия их стало более

200. При этом разрушительно-истребительная сила имеющегося оружия (без учёта ядерного) выросла в 20-25 раз [11].

В истории обеспечения военной безопасности подобное наблюдалось не раз. Например, парадоксально сформулировал в XVI веке военную доктрину Средневековья итальянский теоретик Н. Макиавелли: «Люди, оружие, деньги и хлеб – вот живая сила войны. Но первые два – важнее всего, ибо, имея людей и оружие, всегда можно добыть деньги и хлеб» [12]. Как ни странно, но эта примитивная идея вполне реально и успешно рe-анимируется спустя полтысячелетия в практике военно-политической элиты ряда государств в вооружённых конфликтах современности, что игнорировать при решении задач культуры военной безопасности нецелесообразно.

Таким образом, военная компонента сегодня выступает, с одной стороны, достаточно важным показателем состояния государственных объединений планеты, а, с другой – серьёзным аргументом в решении подавляющего большинства спорных проблем, постоянно возникающих между ними.

Третье существенное обстоятельство влияния глобализации на культуру военной безопасности находит своё проявление в лавинообразном росте объёма военно-политической информации и обновлении информационных технологий. При этом всё больше сокращаются периоды радикальной смены информационных нововведений, что постепенно расшатывает относительную устойчивость технико-экономической базы военно-производственной сферы, особенно высокоразвитой части мира.

Во-вторых, спрос силовых структур на совершенные образцы компьютерной и информационно-коммуникативной техники становится настолько динамичным, что порождает гонку военных потребителей за инновационной продукцией. В свою очередь, военно-промышленные комплексы ряда государств проявляют явное и достаточно серьёзное стремление к созданию более совершенных разновидностей «товаров уничтожения». Такая «погоня» всё больше выходит за пределы физических и интеллектуальных возможностей людей и подобное чаще происходит в недостаточно развитых странах, включённых в этот «пробег».

Мобильная связь, Интернет и всемирное телевидение проникают в самые изолированные прежде локальные общества. Это способствуют интенсификации их включения в процессы глобализации, в том числе и в решении проблем культуры военной безопасности, которая также оказалась в новых пространственно-временных координатах. В нынешней ситуации традиционная

размеренность образа жизни этих обществ, её устойчивость уходят в прошлое, а волна нарастающей динамики военно-политической активности становится характерной и для них.

В то же время, такая непосредственная включённость всех локальных социумов во всемирное коммуникативное пространство создаёт мощные психико-идеологические стимулы для деструктивных действий различного рода националистов, сепаратистов и террористических формирований. И это понятно, поскольку результаты их акций, при наличии единого информационного поля, сразу же становятся достоянием мирового сообщества, порождая массовый страх и чувство безысходности у людей.

Кроме того, в условиях проведения информационных операций, нацеленных на манипулирование сознанием населения и военно-политического руководства, чрезвычайно сложно разграничить вероломство и военную хитрость. Правомерно утверждать, пока в международном праве нет чётко установленных критериев, позволяющих однозначно решать эту задачу [13]. В результате, создаются предпосылки для утверждения, что манипулирование восприятием не нарушает права войны. Тем не менее, в некоторых случаях махинации определённой информацией приводят к совершенно конкретным изменениям состояния военно-политических отношений, которые в итоге могут повлечь за собой соответствующую международную напряжённость.

В частности, именно искажённые послышки позволили обосновать законность развязывания двух мировых войн в прошлом столетии. В современных условиях этот приём применяется достаточно часто. Так, по суждению И.Н. Дылевского и других учёных: «...манипуляции с ложными разведданными о наличии у Ирака ядерного оружия позволили ввести в заблуждение мировое общественное мнение и тем самым узаконить военную агрессию США и их союзников в Персидском заливе» [14]. Оружие массового уничтожения так и не найдено, зато американское вторжение в Ирак состоялось, оккупация страны продолжается и полноценный контроль со стороны Соединённых Штатов за нефтяными потоками региона осуществляется.

И, наконец, следует отметить, что в случае распространения действующих норм гуманитарного права на информационные операции как одну из форм ведения военных действий повлечёт за собой необходимость выполнения всех других принятых, но фактически не действующих соглашений, регулирующих законы и обычаи ведения войны. Ряд отечественных и зарубежных учёных самого широкого круга специальностей, а также политиков-профессионалов и военных, начиная

с нынешнего столетия, пытаются привлечь внимание международного сообщества к реальности существования и нарастания опасности принципиально нового военно-политического вызова.

К сожалению, в прошлом веке, когда было создано химическое, биологическое, а затем ядерное оружие, своевременно этого сделать не удалось, что повлекло за собой неисчислимые жертвы и страдания человечества. Международно-правовые акты по сокращению ракетно-ядерного арсенала, запрещению биологического и химического оружия были приняты с большим опозданием. Что касается ядерного оружия, то мировое сообщество до сих пор не договорилось о его запрете.

В наступившем тысячелетии нельзя допустить повторения подобной ситуации в отношении принятия мер по парированию угрозы, связанной с распространением информационного оружия и безнаказанного ведения информационных операций. Для этого необходимо, в первую очередь, активизировать работу по реагированию на уже имеющиеся факты нарушений общепризнанных принципов международного права. А после этого выстроить надёжный правовой заслон надвигающемуся вызову по бесконтрольному развязыванию информационной агрессии с непредсказуемыми последствиями планетарного масштаба.

Следовательно, лавинообразный рост объёма и скорости информационного обмена между локальными обществами, безнаказанное проведение информационных операций способствуют росту деструктивизма в культуре военной безопасности. Вместе с тем, следует признать, что в условиях глобализации общемировые потоки информации могут сыграть и *положительную роль* в развитии военно-политической обстановки. Такое возможно вследствие того, что они настолько быстро множатся по своему объёму, скорости распространения и практическому использованию в сферах жизни мирового сообщества, что в начале XXI века превратились из флуктуаций в аттракторы ускорения интеграции культур военной безопасности. Однако субъекты данной области деятельности не выказывают стремления воспользоваться представившейся им возможностью. Скорее всего, человечество оказалось только на старте встраивания заявленного в теме статьи явления в сложную международную систему безопасности.

И таким образом, нет никаких гарантий, что обозначенный процесс будет протекать прямолинейно и без огромных помех. Логично предположить, что его участников ждёт замедления, неудачи и откаты назад, но спасение мирового социума – в движении по этому пути.

Четвёртый фактор. Для современного этапа глобализации и культуры военной безо-

пасности характерны растущие различия темпов развития их основных компонентов. Одни страны и даже крупные регионы развиваются сверхбыстрыми темпами, другие – средними, третьи – медленными, четвёртые находятся в депрессивном состоянии, наконец, пятые переходят от развития к деградации и распаду политического и экономического строя (например, Сомали).

В этой связи, и военные составляющие в различных государствах и частях планеты имеют неодинаковые и разнонаправленные степени быстроты в осуществлении своего функционального предназначения. А поскольку они не сведены в единое глобальное русло для решения задач по предотвращению, нейтрализации и ликвидации (в случае возникновения) войн и вооружённых столкновений, иными словами, не имеют единого центра управления, то и конечные результаты оказываются значительно ниже прогнозируемых. Примеры конфликтов на Балканах, в Ираке, Афганистане, Южной Осетии, Абхазии и других «горячих точках» планеты яркое тому подтверждение.

С большой долей вероятности можно утверждать, что и в XXI веке (эпоха «символа всеобщности») в ещё большей мере, чем в прежней истории, культура военной безопасности предстаёт как умноженная иерархия различных темпов развития её крупных локальных компонентов. И происходит это с различной интенсивностью действия сконцентрированной в них энергии времени и протекающих там же процессов военно-политических взаимодействий. Кроме того, достаточно чётко проявляется и общая тенденция эволюции культуры военной безопасности, характерная для всей истории её существования – сочетание усложнения с деградацией ряда её компонентов, прогресса с регрессом, роста упорядоченности с хаосом.

Таким образом, в нынешней ситуации ускорилось чередование позитивного и негативного развития заявленного в теме статьи феномена, и усилилась плотность их взаимодействия друг с другом. В свою очередь, это способствует всё большей непродуманности и достаточно явной заторможенности в действиях субъектов практики, облечённых высокими полномочиями, что не может не сказываться на состоянии культуры военной безопасности.

Глобализация меняет характер и степень взаимовлияния частного и целого в определении развития культуры военной безопасности, соотношение важности воздействия отдельных элементов, с одной стороны, и общесистемных процессов – с другой, на её эволюцию. И это **пятый фактор**, который нельзя не учитывать.

Традиционно облик культуры военной безопасности устанавливался, в первую очередь,

внутренним развитием её элементов, а обратное влияние было выражено в меньшей степени. Но сегодня положение вещей стало иным. Классические военно-политические отношения превратились во «внутриглобальные», что радикально изменило как обстоятельства, определяющие деятельность отдельных государств по предотвращению войн и вооружённых конфликтов, так и состояние системы культуры военной безопасности в целом.

И если ранее такими главными показателями были внутренние для каждой отдельно взятой страны слагаемые развития (например, ресурсы, территория, население), то в современных условиях, всё в большей степени, на первое место выходят системные критерии. Прежде всего, – это место, которое то или иное государство занимает в мировой иерархии, а также степень его участия в обсуждении, разработке и принятии планетарных военно-политических решений.

Как отмечает в этой связи Н.А. Косолапов: «Глобализация означает, что все страны (каждая в своей мере), хотя бы они того или нет, втягиваются в отношения и зависимости ... существенно более мощные, нежели сами государства, и тем самым встраиваются в структуру целостного взаимозависимого мира» [15]. Именно так. На самом деле, новшеством начала XXI века стало складывание, впервые в мировой истории, целостного мира в военной области. С одной стороны, это определяется существенно возросшей степенью взаимозависимости государств и регионов и распространением всеобщих «перекрёстных» военно-политических отношений, оказывающих своё влияние на всю мировую социальную материю. С другой – на современном этапе развития планеты существенно возросло значение военной сферы деятельности, с которой международная система представляет собой единое целое.

Логично утверждать, что глобализация привнесла существенный элемент: целостность в сфере безопасности – наиболее важной области для главных составляющих международной системы. Спору нет, например, деградация ряда государств «третьего мира» представляет собой не только гуманитарную проблему, но и вызов другим странам, вне зависимости от того, насколько они мощны, влиятельны и географически далеко удалены от первых. Сомнений нет, в условиях подобной угрозы, говорить о культуре военной безопасности как наборе отдельных хаотично представленных элементов не представляется возможным.

Таким образом, в нынешней ситуации военная безопасность любого государства не может рассматриваться в отдельности от стабильности международного сообщества в целом. Если ранее эффективное развитие целого предопределялось

нормальным состоянием многих частных, то сегодня это дополняется тем, что военная безопасность каждого частного в значительной мере усугубляется тем же самым, но уже всего целого.

Следует отметить, что в планетарном масштабе эта зависимость выражена в гораздо большей степени. Как бы там ни было, но ни одно государство мира в условиях глобализации с её трансграничными дисперсными вызовами не может чувствовать себя в безопасности, если нестабильна международная система военно-политических отношений. Как справедливо полагают С.А. Караганов и В.Л. Иноземцев (и не только они [16]): «В условиях всё большей непредсказуемости глобальных процессов, усугубления уже стоящих перед человечеством и появления новых проблем, ни одно из национальных государств не способно в одиночку гарантировать собственную безопасность» [17].

Шестой фактор. Глобализация оказывает своё влияние на целостность культуры военной безопасности и, тем самым, ставит перед субъектами практики задачей номер один обеспечение её стабильности, управляемости и предотвращение хаоса. Хаос и целостность – явления во многом несовместимые друг с другом: первое «убивает» второе. Ведь целостность заявленного в теме статьи феномена означает, что те процессы и вызовы, которые раньше характеризовали только его часть, теперь распространяются на всю мировую социальную материю. И, если эти явления несут угрозу гибели или радикальной трансформации какой-то составляющей культуры военной безопасности, то в условиях целостности они представляют эту угрозу всей её системе в целом.

Необходимо, однако, отметить, в последнее время в теории военно-политических отношений, особенно среди так называемых «глобалистов», стала пользоваться популярностью и противоположная точка зрения – о том, что хаос вовсе не угрожает целостности культуры военной безопасности. Предпринимаются попытки обоснования того, что в условиях глобализации он выступает одной из форм её существования. Утверждается, что ранее целостность обеспечивалась иерархическим порядком. Сегодня же, вследствие значительного усложнения военно-политической обстановки, появления новых участников на «игровом поле», единство и самодостаточность элементов культуры военной безопасности стали обеспечиваться сложным и хаотическим переплетением их взаимодействий.

Сомнений нет, на формирование такой позиции большое влияние оказали современные подходы к изучению менеджмента (сетевое управление) и синергетика, причём, последняя имела решающее воздействие. Наука, изучающая при-

роду и поведение сложного, пришла к выводу, что в эпоху «символа всеобщего», а культура военной безопасности как раз и представляет собой неординарное образование, порядок рождается не из системы, с её структурой и иерархией, а из хаоса.

Формально с этим трудно не согласиться. Действительно, в ряде случаев, хаотическое движение и взаимодействие частей заявленного в теме статьи явления на микроуровне – между негосударственными «игроками» – приводит к образованию новых элементов регулирования на макро- и мегауровнях – государств и военно-политической системы в целом. Например, деятельность незаконных бандформирований, террористические акции У. Бен Ладена и ему подобных, продажа последним оружия международными преступными организациями закономерно приводят к созданию новых составляющих международного права и институтов культуры военной безопасности. Равным образом, подобное хаотическое переплетение взаимодействий не подрывает, но, наоборот, усиливает перекрёстную всеобщую взаимозависимость, что также подтверждает целостность.

Проблема, однако, заключается в том, что далеко не всегда хаотическое и неконтролируемое движение на микроуровне приводит к стабильности в масштабе всей системы культуры военной безопасности в целом. И далеко не во всём природа негосударственных «участников военной игры» и их воздействие благотворны. Напротив, хаотическое движение и ничем не обоснованные амбиции приводят к дестабилизации военно-политической обстановки в каком-либо государстве или регионе, что в условиях глобализации оборачиваются кризисом общемировым. Причём, и в этом нет секрета, частота вооружённых конфликтов и количество участников в них в последнее время возрастает. Будучи, своего рода, подтверждением целостности культуры военной безопасности, они могут данную самодостаточность и уничтожить, приводя к частичному или полному «выпадению» тех или иных затронутых военно-политическим кризисом стран с магистрали стабильного развития.

Нарастание подобных, инспирированных хаотическим движением «игроков» кризисов не разрушает качественное своеобразие совокупности элементов культуры военной безопасности сразу. Но заведомо ведёт к его дестабилизации, накоплению деструктивного потенциала и, в конечном итоге, к революционным изменениям, в результате которых система в нынешнем виде, а вместе с ней и целостность, перестают существовать.

Так, события 11 сентября 2001 года стали прямым результатом хаотического движения не-

государственных «игроков» и такого же их взаимодействия с государствами. Произошедшие теракты подтвердили целостность культуры военной безопасности, однако, степень её стабильности снизилась. Более того, началась череда событий, в том числе война в Ираке, грозившая дестабилизацией всего региона Расширенного Ближнего Востока и его «выпадением» из всей совокупности военно-политических отношений, что уже станет нарушением целостности заявленного в теме статьи явления. Ещё более очевиден пример, если теракт будет совершён с применением оружия массового уничтожения. В этом случае в один миг следует пересматривать базовые правила и нормы военно-политического поведения. С лица земли могут исчезнуть целые страны и регионы, что будет, опять-таки, означать гибель нынешней системы с её целостностью, и созданием другой, устройство которой достаточно трудно предположить.

Следовательно, недостаток теоретически правильного утверждения, что в условиях глобализации военно-политический порядок может и должен иметь хаотическую природу, заключается в том, что оно лишено оценочного характера. И, кроме того, отсутствует анализ – чем, в конечном итоге, подобная «целостность» может обернуться на практике. Теоретически хаос как форма движения целостной системы культуры военной безопасности был бы приемлем в случае, если все или подавляющее большинство её участников преследовали исключительно благожелательные цели и стремились к общему благополучию. Поскольку же это не так, а в условиях глобализации последствия неких деструктивных и дестабилизирующих шагов и тенденций распространяются на всю систему культуры военной безопасности, то в «динамике» хаос угрожает её целостности.

При этом, процесс глобализации, наряду с созданием целостной системы культуры военной безопасности, в современном её виде, приводит не к образованию однородного мира, в котором стирались бы различия. Наоборот, становится всё более очевидно, что «символ всеобщности» ведёт именно к усилению хаоса и снижению степени управляемости и контролируемости в военно-политической сфере.

Ведь даже если не вникать в суть процессов исследуемой области знания, порождаемых глобализацией, а проследить динамику исторического развития с того же Вестфальского мира, то нельзя не заметить линейную функцию между усилением их взаимозависимости, с одной стороны, и масштабами насилия – с другой. По мере увеличения взаимозависимости между странами, а потом и континентами, ускорения информационной коммуникации и взаимопроникновения куль-

тур, менялся и объём общего насилия: всё более массовыми, частыми и кровавыми становились войны и внутригосударственные конфликты.

Логично утверждать поэтому, что проблема сегодняшней самодостаточности культуры военной безопасности заключается в том, что её созданию не предшествовало устранение неравенства мирового развития и разрешение базовых вызовов в той или иной части целого. «Перенесение» же этих угроз и неравенства в целостность привело к их значительному усилению и распространению на всю систему.

В результате глобализации обособленные ранее регионы неожиданно стали неотъемлемыми частями целого. С одной стороны, менее развитые страны столкнулись с конкуренцией более приспособленных и, разумеется, предстали неконкурентоспособными. А с другой – «продвинутые» государства показали несостоятельность в обеспечении своей безопасности, полагаясь, например, лишь на фактор географической удалённости от отсталых регионов.

Как бы там ни было, но само наличие последних и их пребывание в энтропийном состоянии представляет в нынешних условиях серьёзный вызов всем участникам культуры военной безопасности, включая и наиболее успешных. Получается, что, теряя конкурентоспособность, внутреннюю управляемость и деградируя, многие страны «третьего мира» «тянут за собой» более «добропорядочную» часть человечества в хаос. Это выражается в неконтролируемых миграционных потоках в «поисках лучшей жизни», международном терроризме, вооружённом пиратстве, национализме и сепаратизме. В результате подобного «втягивания» культуры военной безопасности оказываются неустойчивыми.

Таким образом, глобализационные процессы оказывают на культуру военной безопасности достаточно опасное и неоднозначное воздействие. Они породили в ней неконтролируемые процессы и одновременно высоко подняли «ценную планку» хаотичности – вплоть до выживания человечества. Вне всякого сомнения, «символ всеобщего» выступает принципиально новой основой и фактором развития культур военной безопасности. Качество принимаемых военно-политических решений и эффективность их претворения в жизнь во многом определяют способность международного сообщества осознать и понять природу главных вызовов культурам военной безопасности – это, с одной стороны. А с другой – предложить адекватные и действенные способы по их устранению. Данный подход с точки зрения научной методологии представляется наиболее продуктивным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авторское понимание культуры военной безопасности следующее: культура военной безопасности – это пласт военно-политических отношений, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового сообщества.
 2. См., например: Дробот, Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 105-127; Чешков, М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата / М.А. Чешков. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005; Hewson, Martin. Approaches to Global Governance Theory / Martin Hewson, J. Sinclair Timothy. – New York, 1999.
 3. См., например: Бельков, О.А. Рифы глобализации // Безопасность Евразии. – 2001. – № 1. – С. 654-673; Мартыненко, С.В. Глобализация как новый социально-политический процесс // Безопасность Евразии. – 2007. – № 4. – С. 504-512; Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: МНЭПУ, 2000; Rosenau, James N. Governance without Government / James N. Rosenau, Otto Czempiel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
 4. Толстых, В.И. Феномен глобализации // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.: СПб., 2006. – С. 167-168.
 5. Такое название глобализация получила в одной из работ Мартыненко С.В. – См., например: Мартыненко, С.В. Глобализация как новый социально-политический процесс // Безопасность Евразии. – 2007. – № 4. – С. 505.
 6. Подробнее о переходе от биполярного мира к системе «плюралистической однополярности» см.: Богатуров, А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. – 1993. – № 7; Он же. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. – 1996. – № 2.
 7. Данная попытка была предпринята администрацией Дж. Буша-мл. после терактов 11 сентября 2001 года. Показателем её провала, а также дестабилизирующих последствий как этого провала, так и попытки самой по себе, стали неудача американской операции в Ираке, начавшейся с вторжения в эту страну в марте 2003 года. Эта неудача, в конечном счёте, привела к ослаблению американского глобального лидерства и внешнеполитического влияния США. Вероятный же вывод американских войск из Ирака обернётся ещё большими негативными последствиями как для самой Америки, её влияния и лидерства в мире, так и для международной стабильности и безопасности в целом. Состояться же этот вывод должен.
- Подробнее о военно-политическом ослаблении в связи с неудачей в Ираке, в частности, и попыткой односторонней трансформации международной системы, в целом, см., например: Christopher Layne. Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power // The National Interest. – September-October, 2006. – P. 41-47; Суслов, Д.В. Американский фактор и его эволюция // С.А. Караганов (ред.). Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 101-114.
8. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: МНЭПУ, 2000. – С. 161.
 9. См. подробнее: Вагурин, В.А. Синергетика эволюции современного общества. – Изд. 3-е, стереотипное / В.А. Вагурин. – М.: КомКнига, 2007. – С. 141.
 10. Скрыльчик, А.И. Человек воинствен или миролюбив? // Безопасность Евразии. – 2007. № 4. – С. 531.
 11. См.: Серебрянников, В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия / В.В. Серебрянников. – М.: Научный мир, 2007. – С. 285.
 12. Цит. по: Рябчук, В.Д. Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства // Военная мысль. – 2008. – № 5. – С. 69.
 13. Например: в 2005 году американская делегация в группе правительственных экспертов ООН по проблеме международной информационной безопасности, созданной по решению Генеральной Ассамблеи ООН, заблокировала принятие итогового субстантивного доклада и отодвинула, тем самым, решение данной проблемы минимум на пять лет.
 14. Дылевский, И.Н., Комов, С.А., Коротков, С.В., Родионов, С.Н., Полякова, Т.А., Фёдоров, А.В. К вопросу о международно-правовой квалификации информационных операций // Военная мысль. – 2008. – № 2. – С. 8.
 15. Косолапов, Н.А. Контуры нового миропорядка / Постиндустриальный мир. Центр. Периферия. Россия. Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. – М., 1999. – С. 223.
 16. См., например: Лукашук, И.И. Международная безопасность государства и международное право // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3. – С. 286; Хоффман, С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 89.
 17. Иноземцев, В.Л., Караганов, С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т. 3. – № 1. – январь-февраль.

S. Vershilov

THE GLOBALIZATION IS THE FACTOR OF THE CULTURE'S MILITARY SAFETY

Abstract: Today the culture of military safety acquires new contours. It is not difficult to notice, that globalization has unsynonymous influence on it. Sometimes this influence generates the military and political processes with unforetelling results. The mission of military safety culture must be done always. It is necessary to recognize, that present reality is a main factor of military safety culture's development. This thesis is substantiated in this article.

Key words: culture of military safety, calls, threats, globalisation, development.